

The book cover features a dramatic scene set within a grand, classical building with tall columns and arched doorways. In the center, a woman with long, dark, flowing hair is seen from behind, wearing a light-colored, ethereal dress. She is surrounded by glowing golden light trails and appears to be in motion, possibly dancing or flying. In the foreground on the right, a man with dark hair and a beard, wearing a dark coat, looks towards the viewer with a serious expression. The background is a dark, stormy sky with a vibrant green aurora borealis effect. The overall mood is mysterious and fantastical.

Алиса Фокс

*Клятва крови и
огня*

Алиса Фокс

Клятва крови и огня

<https://litres.ru/73961151>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вместо удачи на месяц Алиса получает билет в другой мир. И древнее проклятие на запястье.

Единственный, кто может её спасти, — лорд Дамиан, верховный маг Эрдана. Холодный, циничный, надменный. Он терпит её только потому, что магический договор не позволяет отказаться. Спасая её — спасает себя.

Алиса — пленница в его башне. Её жизнь — магия, запреты и ночные приступы проклятия. Его молчание — стена, которую она не знает, как пробить.

Но в Эрдане есть не только магия. У Дамиана есть враги. И они готовы использовать Алису, чтобы добраться до него.

Любовное фэнтези о попаданке, магических договорах и любви, которая не спрашивает разрешения.

Содержание

Глава 1	4
Не тот ритуал	4
Глава 2	16
Башня и её правила	16
Глава 3	34
Первый урок	34
Глава 4	52
Обитатели башни	52
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Алиса Фокс

Клятва крови и огня

Глава 1

Не тот ритуал

К полуночи университетская библиотека превращалась в склеп. Тусклые лампы мерцали, батареи еле грели, а запах старых книг смешивался с пылью и чужим чаем. Алиса сидела за дальним столом, поджав под себя ноги, и перечитывала один и тот же абзац о древнерусских летописях в десятый раз. Она уже почти не видела буквы — только чёрные пятна на пожелтевшей странице.

«Ещё один вечер, — подумала она. — Ещё одна пятница, которую я никогда не верну».

— Ты серьёзно? — Катя заглянула в её конспект. — В двадцать лет сидеть в библиотеке в пятницу вечером?

— У меня экзамен через три дня, — ответила Алиса, не поднимая головы. — И если я сейчас не запомню даты и названия, я провалюсь к чёртовой матери.

— А я вот нашла кое-что получше твоих летописей.

Катя плюхнула на стол книгу. Та была старой — настоль-

ко, что Алиса невольно отодвинулась.

— А если я скажу, что нашла способ призвать удачу на весь месяц?

— Ты всегда находишь способы. Обычно они заканчиваются вызовом пожарных.

Кожаный переплёт книги потрескался, страницы пожелтели, а кое-где по краям темнели пятна, подозрительно похожие на кровь.

— Где ты это взяла? — спросила Алиса, забыв о конспекте.

— На барахолке. Дедушка продавал, сказал: «Из экспедиции привёз». Может, и правда древняя. — Катя открыла книгу на закладке. — Смотри. «Призыв удачи на весь следующий месяц». Всего три строчки на латыни.

— Твоя латынь — это гугл-переводчик.

— А твоя — университетская. Давай, Алис, не трусь.

Алиса взяла книгу в руки. Кожа на переплёте была тёплой — странно для старой книги, купленной на барахолке. Страницы пахли не бумагой, а чем-то сладковатым, приторным, как засохшие цветы.

Она прочитала строки. Латынь и правда была странной — не классическая, а какая-то архаичная, с вкраплениями языка, которого она никогда не слышала.

«*Veni, sanguis, ligamen. Veni, anima, per portam*».

«Приди, кровь, связь. Приди, душа, через ворота».

— Это не призыв удачи, — сказала Алиса. — Это что-то

с кровью.

— Образно! — отмахнулась Катя, расставляя на столе крошечные свечи. — В средневековье всё через кровь говорили. Давай, я уже зажгла.

Пять огоньков дрожали в полумраке, отбрасывая пляшущие тени на стеллажи. Алиса хотела сказать, что это глупо, что никакой магии не существует, что они уже не дети. Но слова застряли в горле.

Потому что в глубине души ей вдруг захотелось, чтобы это было правдой. Чтобы существовало что-то кроме экзаменов, дедлайнов и бесконечных ночей в душной библиотеке.

— Читаем вместе, — сказала она. — На счёт три.

Катя кивнула, глаза её блестели в свете свечей.

— Один.

— Два.

— Три.

Они прочли строки хором. У Алисы голос дрогнул на последнем слого. В библиотеке стало тихо — так тихо, что она услышала, как замирает её сердце.

— Ничего не произошло, — разочарованно протянула Катя.

Алиса хотела ответить, но не смогла. Потому что пол под ногами исчез.

Сначала — невесомость. Беззвучная, бесконечная, как во сне, когда падаешь в чёрную яму и не можешь проснуться. Потом — боль. Не острая, а глубокая, будто кто-то выдёргивает.

вал нити из её тела по одной.

Она услышала крик Кати — далёкий, искажённый, словно сквозь воду. Потом — голоса. Чужие. Гулкие. Говорили на языке, которого она не знала, но почему-то понимала.

— Сработало. Но жертва не та.

— Душа есть душа. Перевязывайте ей запястье, пока нить не ушла вглубь. Хозяин будет доволен.

Алиса попыталась открыть глаза. Веки были тяжёлыми, как свинцовые. Сквозь щёлочку она увидела каменный потолок, синие огни и чьи-то тени, склонившиеся над ней.

— Где — прошептала она, но голос сел, превратившись в хрип.

— Тсс, — сказал кто-то. — Не дёргайся.

Чьи-то руки подхватили её, перевернули. Алиса почувствовала холод камня спиной и странную пульсацию в левом запястье — как будто под кожей забились второе сердце.

— Она не местная, — сказал первый голос, в котором смешались облегчение и тревога. — Посмотри на ауру. Как у младенца.

— Тем лучше, — ответил тихий, почти ласковый. — Такие не сопротивляются.

Алиса хотела сказать, что она не «не местная», что у неё есть имя, дом, мама, которая сейчас, наверное, смотрит телевизор и не знает, что дочь лежит на холодном камне в окружении чужаков. Но сознание снова померкло, унося её в темноту.

Очнулась она от холода.

Это был не просто холод — он казался голодным, жадным, он высасывал тепло из каждой клетки. Алиса попыталась пошевелиться и поняла, что почти вся её одежда исчезла.

Вместо любимого тёплого свитера — тонкая льняная рубашка, чужая, мешковатая, пропитанная потом и чем-то липким. Вместо джинсов и плотных колготок — длинная юбка из грубой ткани, доходящая до щиколоток. Носков не было — зато на ногах оказались грубые кожаные туфли на толстой подошве. Кто-то надел их на неё, пока она была без сознания. Кто-то очень предусмотрительный — или очень равнодушный к чужому комфорту.

Алиса дёрнулась, села. Рубашка сползла с плеча, открывая кожу, покрытую мурашками. Она поправила её дрожащими руками. Пол под ладонями был каменным, шершавым, в некоторых местах выщербленным.

Левое запястье жгло. Нестерпимо. Глубоко. Будто кто-то водил раскалённой спицей под кожей.

Алиса зажмурилась, потом всё же заставила себя посмотреть вниз.

Светилась нить. Тонкая, золотая, она оплетала запястье, двигалась, пульсировала в такт сердцу. Как живая. Как змея.

Этого не может быть, — подумала Алиса. — Я сплю. У меня жар. Я в бреду.

Она протёрла глаза свободной рукой. Нить не исчезла.

Она ущипнула себя за ногу — больно. Нить не исчезла.

Алиса подняла голову и увидела их. Шестеро. В мантиях. Они стояли полукругом в нескольких шагах от неё, как изваяния, и смотрели. Кто-то с любопытством, кто-то равнодушно. Один — тот, с седой косой и цепкими глазами, — улыбался.

— Проснулась? — спросил он.

Она медленно огляделась. Круглый зал без окон. Каменные стены близко — можно дотянуться рукой. Вдоль них — факелы с синим пламенем. Не оранжевым, не жёлтым — синим, почти прозрачным, как лёд на солнце.

Синий огонь, — подумала она. — *Такого не бывает.*

— Где мои вещи? — спросила Алиса. Голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. Словно тело взяло управление на себя, пока мозг паниковал в тишине.

Никто не ответил.

Она встала. Туфли глухо стукнули по камню. Ноги дрожали, колени подгибались, но она устояла. Опираясь на стену, сделала шаг, второй.

— Вы похитили человека. Это уголовное дело. У нас есть камеры, ДНК, полиция. Вы в курсе?

Она и сама не поняла, откуда взяла эти слова. Мозг работал на автопилоте, цепляясь за привычное, за то, что могло вернуть контроль.

Седой мужчина шагнул вперёд.

— Ноль магии, — сказал он, обращаясь к остальным. — Ноль страха. Это даже интересно.

— Я не «интересно». — Алиса сжала кулаки. Нить на запястье запульсировала сильнее, будто откликаясь на её гнев. — Меня зовут Алиса. Я гражданка России. И вы сейчас совершаете...

Её прервал звук открывающейся двери. Тяжёлой, каменной, с лязгом, от которого заныли зубы. Все в зале разом обернулись.

На пороге стоял мужчина.

Он был высоким — выше всех в этом зале. Чёрная мантия с серебряной вышивкой струилась по плечам, длинные тёмные волосы падали на лицо. А глаза — серые, пустые. Ни тепла, ни холода. Ничего.

Он не выглядел старым. Может, тридцать. Может, чуть больше. Но лицо его казалось выцветшим, как старая фотография, — будто он давно забыл, каково это — улыбаться по-настоящему.

— Лорд Дамиан, — седой поклонился. Остальные последовали его примеру. — Ритуал завершён. Жертва здесь.

— Вижу.

Голос у него оказался низким, хрипловатым. Он даже не взглянул на склонившихся магов — смотрел прямо на Алису. В упор. Как на ошибку, которую нужно исправить.

— Ты кто?

— Алиса. А ты?

Кто-то из магов ахнул. Седой усмехнулся. Дамиан не усмехнулся. Он просто смотрел на неё — и молчал так дол-

го, что Алиса почти пожалела о своей дерзости.

— Дерзкая, — сказал он. — Хорошо. Хуже, если бы ты была безвольной куклой.

Он подошёл ближе. Сделал шаг, второй. Алиса не отступила — упрямо смотрела на него снизу вверх. Он был выше почти на голову, и ей пришлось задрать подбородок, чтобы не опускать взгляд.

— Не подходи, — предупредила она. — Я умею кусаться.

— Не сомневаюсь.

Он остановился в двух шагах. Наклонил голову, разглядывая её, как диковинную вещь.

— Ты хоть понимаешь, что произошло, Алиса?

— Где я? Что происходит? — Голос дрогнул, но она не отвела взгляда.

Маги зашептались. Дамиан поднял руку — они замолчали.

— Проще показать, — сказал он и коснулся её лба.

Мир взорвался.

Алиса увидела чужую жизнь, ворвавшуюся в её сознание как ураган. Маленький мальчик с тёмными волосами, плачущий в пустой каменной башне. Мужчина с такими же серыми глазами, умирающий в луже крови на каменном полу. Чёрная змея, обвивающая чьё-то сердце, сжимающаяся медленно, неумолимо. А потом — она сама. Со стороны. И золотая нить, перетекающая с этого мужчины — с Дамиана — на неё.

Она отшатнулась, дыша, как загнанная лошадь.

— Что это было? Кто этот мальчик? И где я, чёрт возьми?!

— Мальчик — это я, — тихо сказал Дамиан. — А ты, Алиса, в Эрдане. Другой мир. Не твой.

Другой мир.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как камни. Алиса хотела что-то сказать, но слова не пришли. Она медленно, очень медленно выдохнула.

— Так не бывает, — сказала она.

— Ты на своём запястье видела светящуюся нить. — Он не спрашивал, он утверждал. — И до сих пор думаешь, что «так не бывает»?

Возразить было нечего.

— Что с Катей? — спросила Алиса вместо этого. — Моя подруга. Она была со мной. Она жива?

— Вернулась в твой мир, — ответил Дамиан. — Ничего не помнит. Для неё ты просто ушла домой.

Алиса выдохнула. Не облегчённо — скорее, потеряв последнюю надежду на возвращение.

— Что вы сделали? — повторила она. Но теперь в голосе звучала не столько ярость, сколько обречённость.

— Не я. — Дамиан убрал руку. — Эти гении из Совета провели запрещённый ритуал перекладывания проклятия. Они искали жертву из другого мира — ту, которую не жалко. Но вместо сильного мага получили тебя.

— Проклятия не существуют, — выдохнула Алиса. Но

в голосе уже не было уверенности. Слишком много «невозможного» случилось за последние минуты.

— Очень существуют.

Он взял её за запястье — там, где горела нить. Алиса дёрнулась, но он держал крепко. Коснулся нити пальцем — та вспыхнула ярче, и Алиса почувствовала, как что-то внутри неё перетекает в него. Не больно. Страшно.

— Проклятие рода Эйнар, — сказал Дамиан. — Тридцать лет оно разъедало меня изнутри. Теперь — тебя. Без меня ты умрёшь через тридцать дней.

В зале стало тихо. Даже факелы, кажется, перестали трещать.

— Ты врёшь, — сказала Алиса. Но голос дрогнул.

— Хотел бы.

Он повернулся к магам.

— Оставьте нас. Всем выйти.

Они разошлись быстро, беззвучно, скользя вдоль стен, как тени. Седой задержался на пороге, бросив на Алису любопытный взгляд, но под взглядом Дамиана тоже ушёл.

Когда дверь закрылась, лорд снова взял её за руку — на этот раз не спрашивая разрешения. Провёл большим пальцем по золотой нити, и та вдруг впиталась в кожу, исчезла. Алиса вскрикнула от жжения, но он держал крепко.

— Договор скреплён, — сказал он. — Теперь ты привязана ко мне, а я — к тебе. Я не смогу отказаться тебя спасти, иначе магия уйдёт.

— Верни меня домой, — сказала Алиса. Не попросила — потребовала. — Немедленно.

— Не могу. Проклятие привязало тебя к этому миру. Если я открою портал сейчас, ты умрёшь.

— Ты сделал меня пленницей, — прошептала Алиса.

— Я спас тебе жизнь, — сказал Дамиан. — Не путай.

— Спас? — Она подняла на него глаза — красные, опухшие, но горящие. — Это ты называешь спасением? Вытащить меня из моего мира, привязать к себе магической верёвкой и сказать: «Сиди рядом, а то умрёшь»?

— Ты бы умерла без меня, — тихо сказал он.

— Я бы вообще не оказалась здесь без вашего чёртового ритуала!

Дамиан молчал. В его лице мелькнуло что-то — может быть, тень вины, может быть, усталость. Он отвёл взгляд первым.

— Тем не менее, — сказал он после паузы, — ты здесь. И я единственный, кто может держать проклятие под контролем. Нравится тебе это или нет.

Он развернулся и пошёл к двери. На пороге кивнул кому-то за дверью:

— Отведите её в башню. Через полчаса.

Дверь закрылась. Алиса осталась одна.

Она слышала, как затихают шаги — Дамиан ушёл. Считала секунды, минуты. Пять. Десять. Двадцать.

Ровно через полчаса дверь открылась. Двое стражей в чёр-

ном молча показали ей на выход.

Домой, — стучало в голове. — Я хочу домой.

Но золотая нить — невидимая теперь, но всё ещё пульсирующая в такт сердцу — напоминала о себе с каждым ударом. И Алиса знала: пути назад больше не было.

Глава 2

Башня и её правила

Стражи в чёрном двинулись вперёд, не оглядываясь. Алиса плелась за ними, как привязанная, — другого выбора у неё не было.

Они вышли из зала ритуалов в длинный каменный коридор. Факелы с синим пламенем горели через каждые несколько шагов, но свет их был холодным и каким-то мёртвым — он не согревал, не успокаивал, только подчёркивал пустоту.

Алиса попыталась запомнить дорогу. Налево, потом направо, потом мимо большого гобелена с драконом. *Зачем? Чтобы сбежать? От проклятия? От магов?* У неё не было ответа. Но пальцы сами сжались в кулаки, а губы зашептали: лево, право, дракон. Лево, право, дракон. Хоть что-то, за что можно зацепиться.

Гобелен навис над ней. Дракон был выткан серебряной нитью — огромный, с распахнутыми крыльями и пустыми глазами. Они смотрели прямо на Алису. И в них не было ничего. Ни злобы, ни угрозы, ни пощады. Просто пустота.

Ей показалось, что она смотрит в своё будущее.

Алиса отвела взгляд и ускорила шаг.

Коридор вывел их к массивной деревянной двери. Страж толкнул её — и Алиса впервые увидела небо Эрдана.

Оно было чужим.

Не таким, как дома. Здесь не было привычной черноты с редкими звёздами. Небо над Эрданом светилось — густым, тёмно-фиолетовым, с широкими разводами бледно-зелёного, будто кто-то размазал по нему краску огромной кистью. Звёзды висели низко, крупные, неестественно яркие, и некоторые мерцали в ритме — то вспыхивали, то гасли, как живые.

Алиса замерла.

Такого не бывает. Но небо никуда не делось. Оно дышало, двигалось, смотрело на неё сотнями холодных глаз.

— Не отставай, — бросил один из стражей, дёрнув за локоть.

Алиса моргнула, сглотнула и пошла дальше, стараясь больше не смотреть вверх.

Зал ритуалов, как оказалось, находился в подземелье под дворцом Совета магов. Они вышли в небольшой внутренний двор, мощёный тёмным камнем. Вокруг высились стены дворца — мрачные, с острыми шпильями, похожие на застывшие языки пламени.

Это ещё не город. Только двор. Только начало.

Стражи не дали ей смотреть по сторонам. Один взял за локоть, второй шагнул вперёд.

Они пересекли двор, прошли через узкий проход между

зданиями и вышли на пустынную ночную улицу.

Света было мало — только мерцание звёзд да редкие голубоватые огоньки в окнах. Но глаза Алисы уже привыкли к темноте, и она различала очертания: высокие стены по бокам, мостовую под ногами, а вдалеке — тёмные силуэты башен и шпилей, острых, как клыки. Они вырезались на фоне фиолетового неба, чёткие и чужие.

Город спал — или делал вид.

Башня Дамиана стояла на той же улице, в получасе ходьбы от дворца, — на краю города, где дома становились ниже, а между ними всё чаще попадались пустыри и заросшие травой участки. Стражи шли быстро, Алиса едва попевала.

Наконец они остановились перед высоким мрачным строением, вздымавшимся вверх на четыре яруса. Узкое, каменное, с редкими окнами-бойницами. Похожее на палец, которым кто-то грозил небу. Алиса почувствовала, как внутри всё сжалось.

Вот оно. Моя тюрьма.

Стражи ввели её внутрь, и дверь за спиной захлопнулась с глухим, окончательным стуком.

Алиса оказалась в круглом холле с высоким каменным потолком. В центре стоял массивный дубовый стол, заваленный свитками и непонятными приборами — медными, с блестящими деталями, похожими на компасы без стрелок. В углу темнел провал камина — холодного, давно не топленного. Вдоль стен горели маленькие кристаллы, вставленные в

железные держатели. Их свет был ровным, голубоватым, без мерцания — как у ламп дневного света.

Слева от входа Алиса заметила узкую дверь, из которой пахло травами и чем-то съестным, — наверное, кухня. Справа — широкую винтовую лестницу, уходящую вверх. И ещё одну дверь — из тёмного дерева, с резными драконами по бокам.

Башня оказалась именно башней — круглой, каменной, уходящей вверх на четыре яруса. Но это она поняла позже. Сейчас она стояла в холле, дрожа от холода и страха, и не знала, куда идти.

— Наверх, — сказал один из стражей, кивнув на лестницу. — Лорд Дамиан ждёт в библиотеке. Вторая дверь слева.

Стражи развернулись и вышли, оставив её одну.

Алиса постояла несколько секунд, прислушиваясь к тишине. Башня молчала — ни шагов, ни голосов, ни скрипа половиц. Только где-то далеко, наверху, едва слышно гудел ветер в трубе.

А если попробовать? Выход там, за спиной.

Она обернулась к двери. Та же самая, через которую её ввели. Тяжёлая, дубовая, с железными петлями. Алиса шагнула к ней, протянула руку к ручке...

И отдернула ладонь, словно обожглась.

Под кожей запястья дернулась золотая нить. Не больно — предупреждающе. Напомнила о договоре.

Нельзя. Даже попробовать нельзя.

Она отошла от двери, сжала кулаки и подняла глаза на лестницу.

Остаётся только наверх.

Алиса начала подниматься по винтовой лестнице. Каменные ступени были стёрты временем — бесчисленные ноги прошагали здесь до неё. Перила — холодные, шершавые — скрипели под ладонью.

На втором этаже она остановилась. Лестница привела её в небольшой круглый холл. Стены расходились веером, и в них было три двери.

Первая — слева, массивная, обитая тёмным деревом.

Вторая — справа, попроще, без украшений.

Третья — прямо, чуть поодаль, — оказалась приоткрытой.

Вторая дверь слева. То есть эта?

Она подошла к приоткрытой двери, помедлила и толкнула её.

Библиотека.

Книги стояли везде — от пола до потолка, на стеллажах, на лестницах, на подоконниках, даже на полу стопками. В воздухе пахло кожей, пергаментом, воском и чем-то сладковатым — как от старых свечей. У камина стояло массивное кресло. В кресле сидел Дамиан.

Он успел переодеться — вместо мантии на нём была простая чёрная рубашка и тёмные штаны. Волосы влажными прядями падали на плечи, будто он только что мылся. Без

мантии он выглядел моложе. И опаснее.

— Садись, — сказал он, не глядя на неё.

Алиса осталась стоять.

— Я хочу домой.

— Ты уже просила.

— И попроси ещё раз. И ещё. Пока не надоест тебе или пока ты не сделаешь что-то, чтобы меня вернуть.

Он поднял голову. Серые глаза — холодные, равнодушные — встретились с её. В них не было злости. Не было жалости. Только усталость. Бесконечная.

— Упрямая, — сказал он. — Это полезно. Выживать с проклятием без упрямства невозможно.

Он встал и подошёл к столу, на котором лежал пергамент, исписанный ровными острыми буквами.

— Правила, Алиса. Их немного, но нарушать не советую.

— Какая тюрьма без правил? — съязвила она.

Дамиан сделал вид, что не услышал.

— Первое. Ты не покидаешь башню без моего разрешения. Магическая граница убьёт тебя быстрее, чем проклятие.

— Второе. В мою лабораторию не заходить. Вообще. — Он кивнул вверх, в сторону лестницы. — На четвёртом этаже. Дверь железная, с двумя засовами. Там стоят артефакты, которые превращают неосторожных в камень. Навсегда. Если ты туда войдёшь и случайно коснёшься — я не смогу тебя вернуть. И договор мне не поможет.

— Третье. Ты будешь учиться магии. Каждый день. Проклятие нужно контролировать, иначе оно выжжет тебя изнутри раньше срока.

Алиса услышала это — и внутри что-то ёкнуло. Не от страха. От странного, почти запретного любопытства.

— Уроки магии? — переспросила она. — Ты серьёзно?

— Я никогда не шучу, — ответил Дамиан. — Особенно когда речь идёт о жизни. Твоей жизни и моей. Отныне они связаны.

— Но у меня нет магии, — сказала Алиса. — Никогда не было. Тот седой в зале сказал: «Магии ноль».

Дамиан посмотрел на неё с выражением, которое она не смогла прочитать.

— Был ноль, — поправил он. — Проклятие, перейдя на тебя, открыло канал. Теперь магия есть. Ты просто не умеешь её чувствовать. Этому и буду учить.

Он подошёл ближе. Слишком близко — Алиса почувствовала запах его мыла: что-то хвойное, горьковатое. Она инстинктивно отступила на шаг.

— Четвёртое, — сказал он. — Не ври мне. Договор не терпит лжи. Я почувствую.

— Я даже не знаю, как тебе врать, — ответила Алиса. — Я вообще не знаю, где нахожусь и что происходит.

— Это ты быстро поймёшь.

Он отвернулся и сел обратно в кресло, сразу став снова далёким, чужим.

— Ужин через час. Жду в большой зале. Мира покажет дорогу.

— Кто такая Мира?

— Служанка. Она ждёт тебя за дверью.

Алиса развернулась и пошла к двери. Уже взялась за ручку, но на пороге остановилась.

— Ты так и не ответил, — сказала она, не оборачиваясь.

— Почему я? Почему не какой-нибудь другой мир, не другой человек?

Тишина. Алиса уже решила, что он не ответит.

— Потому что ты была единственной, кто подошёл по частоте вибрации, — сказал Дамиан тихо. — Я не выбирал тебя, Алиса. Мне тоже не повезло.

Она постояла ещё секунду, потом вышла и закрыла за собой дверь.

В коридоре её уже ждала девушка — рыжая, веснушчатая, в простом сером платье и белом переднике.

— Ты, наверное, Алиса? — спросила она. — А я Мира. Пойдём, покажу твою комнату. Она на третьем этаже.

Они поднялись на этаж выше.

Алиса ожидала увидеть такой же тесный круглый холл, как на втором, но ошиблась. Пространство внутри башни словно расширялось — здесь было просторнее, чем снаружи. Коридор уходил вперёд, теряясь в полумраке, а по бокам темнели двери.

— Магия? — спросила Алиса, кивнув на стены.

Мира улыбнулась:

— Лорд Дамиан говорил, что башня построена на пересечении магических линий. Внутри она больше, чем кажется.

— Здесь гостевые комнаты, — добавила Мира. — Твоя будет в конце коридора.

Алиса бросила взгляд на лестницу, уходящую выше, на четвёртый этаж. Там, за железной дверью, находились лаборатория с опасными артефактами и личные покои лорда.

Комната Алисы оказалась маленькой — такой маленькой, что от двери до окна можно было сделать всего пять шагов. Но здесь было окно. Узкое, как бойница, затянутое мутным, грязным стеклом, в которое едва пробивался голубоватый свет звёзд. Алиса подошла ближе, коснулась стекла пальцами — оно было холодным, шершавым, древним.

У стены стояла железная кровать — массивная, с тонким матрасом, прогнувшимся посередине. На ней лежало шерстяное одеяло серого цвета, жёсткое и колючее. Рядом — деревянный стул, грубо сколоченный, с занозами на сиденье. Тумбочка из тёмного дерева, поцарапанная, с кувшином воды и глиняным тазом. Вода в кувшине была холодной, с каким-то травянистым привкусом.

В углу, напротив кровати, темнел маленький камин — сложенный из грубого камня, с чугунной решёткой и заслонкой. Внутри лежали остатки золы и несколько почерневших поленьев. Алиса подошла, потрогала решётку — холодную, как всё здесь. *Даже не топили. Или топили, но давно.*

На стене — единственный крючок для одежды, вбитый прямо в камень. Ржавый, но крепкий.

У дальней стены, в маленькой нише, Алиса заметила занавеску из грубой мешковины. Отодвинула — за ней оказалось деревянное сиденье с отверстием и ведро, наполовину присыпанное сухими опилками.

Ну конечно. Средневековье. Как я сразу не догадалась.

Рядом стоял глиняный кувшин с водой и жестяной ковш — очевидно, для мытья рук.

Она отдернула занавеску и вернулась к кровати.

Свет давал магический кристалл в нише над дверью — тусклый, голубоватый, безжизненный. Он не мерцал, не грел, не гудел. Просто горел ровно, как дешёвая лампочка в подъезде.

Гостевая комната. Очень гостеприимно.

Она села на край кровати. Матрас прогнулся, пружины жалобно скрипнули. Одеядло царапало ладони. В углу пахло сыростью и пылью — как в комнате, которую давно не проветривали.

Кто здесь жил до меня? И почему съехал?

Ответ пришёл сам собой: никто не жил. Это была комната для тех, кто не заслужил ничего лучшего.

— Ужасное место, — сказала Алиса вслух. — Он специально выбрал для меня эту каморку?

Мира, стоявшая в дверях, виновато опустила глаза.

— Он — Она запнулась, перебирая край фартука. — Он

не злой, Алиса. Просто устал. Проклятие высасывает силы. Уже много лет.

— Мне плевать на его проклятие, — сказала Алиса тихо, но твёрдо. — Я хочу домой.

Мира ничего не ответила. Только вздохнула, кивнула и вышла, притворив за собой дверь.

Алиса слышала, как шаги Миры затихают внизу по лестнице — не наверх, к покоям лорда, а вниз, к кухне.

У неё есть своё место. Она здесь своя. А я — никто. Пленница. Ошибка ритуала.

Она откинулась на спину и уткнулась в потолок. Каменный свод уходил вверх, теряясь в темноте. Трещины вились по нему, как паутина, — тонкие, запутанные, бесконечные.

Одна, две, три

Алиса принялась считать их, чтобы не думать о доме. О маме, которая сейчас, наверное, смотрит телевизор и не знает, что дочь лежит в чужом мире на жёсткой кровати под чужим небом.

Семь, восемь, девять

Считать было бессмысленно — трещины множились, ветвились, уходили в тень. Но это было лучше, чем думать.

Четырнадцать, пятнадцать

На двадцатой она сбилась и начала сначала.

Ровно через час Мира постучала в дверь.

— Ужин готов. Идём, я покажу дорогу.

В большой зале уже накрыли стол. Дамиан сидел во главе,

читал книгу. Он даже не поднял головы, когда Алиса вошла.

Она помедлила, потом села напротив — на единственный свободный стул.

Ужин начался в тишине.

Мира принесла две одинаковые тарелки с дымящейся кашей, два одинаковых куска хлеба, два стакана травяного чая. Всё простое, без излишеств, но приличное.

Алиса посмотрела на свою тарелку, потом на Дамиана. Тот уже ел, не поднимая глаз.

— Ты всегда такой гостеприимный? — спросила Алиса.

Дамиан отложил ложку. Медленно.

— Ты в моей башне. На моём содержании. Тебя никто не звал. Я не обязан быть твоим другом, Алиса. Я обязан держать тебя в живых, чтобы не потерять магию. Всё остальное — не моя забота.

— Я не влезала! — Алиса почувствовала, как к горлу подступает злость, смешанная с обидой. — Меня втянули! Я просто читала книгу со своей дурой-подругой, и...

Она замолчала. Горло сжалось. Потому что она вспомнила Катю. Её веснушки. Её дурацкие свечи. Её крик, когда Алиса исчезла.

Боже, Катя.

Алиса сглотнула, опустила ложку.

— Я могу хотя бы передать ей весточку? — спросила она тихо.

— Нет, — ответил Дамиан. — Ничего не выйдет. Ваш мир

закрыт для магии. Сообщение не пройдёт.

Алиса сжала ложку так, что побелели костяшки. Хотелось швырнуть её в стену. Или в него. Но она только выдохнула — тяжело, с хрипом.

— Значит, Катя даже не вспомнит меня. Для неё я просто исчезла из библиотеки и забыла ей позвонить. А через несколько месяцев она перестанет замечать, что меня нет.

Дамиан смотрел на неё долго. Так долго, что Алиса почувствовала себя раздавленной этим взглядом — тяжёлым, изучающим, почти сочувствующим. Но только почти.

— Ешь, — сказал он тихо. — Завтра будет тяжело.

— Почему?

— Потому что завтра начнётся учёба. Проклятие не любит, когда его тревожат.

Он отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

Алиса посмотрела на свою тарелку. Фарфор был тёплым под пальцами. Золотой ободок блестел в свете кристаллов.

Она не сказала *спасибо*. Но есть стала.

Каша оказалась безвкусной — или ей просто не хотелось есть. Хлеб пресным, чай горьким. Но она жевала, глотала, заставляя себя, потому что организм требовал еды, а она не ела чёрт знает сколько. Со вчерашнего дня? С позавчерашнего? Алиса сбилась со счёта.

Дамиан почти не притронулся к еде. Он пил чай из серебряной кружки — тёмный, дымящийся — и смотрел в окно.

За окном светилось фиолетовое небо с широкими зелёными разводами, звёзды висели низко, крупные, неестественно яркие. Алиса проследила за его взглядом: в этом чужом сиянии угадывались силуэты дальних башен, острых и тонких, как иглы.

Ничего земного. Даже ночь здесь не похожа на нашу.

Она доела кашу, отодвинула тарелку и устала в стену.

— Мира проводит тебя в комнату, — сказал Дамиан, не оборачиваясь.

Ночью проклятие пришло.

Алиса не спала — она лежала на жёсткой постели, уставившись в потолок, и считала трещины в камне. Двадцать три. Двадцать четыре. Двадцать пять. Счёт помогал не думать о доме, о маме, о Кате. О том, что она никогда не вернётся.

Холод пришёл не постепенно — он ударил резко, как под дых. Ледяная пустота разлилась по венам, высасывая тепло, забирая дыхание. Алиса почувствовала, как золотая нить под кожей вздулась, запульсировала — быстро, неровно, как загнанное сердце.

Она попыталась закричать, но из горла вырвался только хрип — сухой, сдавленный, будто кто-то сжал ей горло невидимой рукой.

Опять. Опять.

Комната поплыла перед глазами. Кристалл над дверью задрожал, его свет стал мигать — то ярче, то тусклее. Алиса

услышала собственный стон и не сразу поняла, что это она.

Только бы не потерять сознание. Только бы не отключиться.

Она вцепилась в край кровати, вжалась в жёсткий матрас, заставила себя дышать. Мир качался и плыл, но она держалась.

Дамиан почувствовал это через договор.

Резкая боль в груди. Чужой холод в венах. Ледяные иглы в запястье — там, где их нити соприкасались. Он не стал ждать. Не успел даже накинуть рубашку.

— Тихо, — раздался голос рядом.

Алиса не слышала, как он вошёл. Не слышала шагов, не слышала, как скрипнула дверь. Он просто оказался здесь — сидел на краю её кровати, такой огромный в полутьме, что заполнил собой всю маленькую комнату. От него пахло хвоёй и чем-то горьковатым — тем же мылом, что и днём.

Он взял её за руки. Ладони у него были горячими — такими горячими, что Алиса сначала дёрнулась, но он не отпустил. Золотая нить под её кожей вспыхнула ярко-синим, засветилась сквозь кожу, как живой фонарь. Свет был таким сильным, что осветил всю комнату — железную кровать, стул, трещины на стенах.

— Дыши, — сказал он. Голос низкий, ровный, без паники. — Дыши со мной.

Она слушалась, потому что не было сил спорить. Вдох — выдох. Вдох — выдох. Он дышал медленно, размеренно, и

она подстраивалась, как тонущий цепляется за спасательный круг.

— Считай, — приказал он. — Вслух.

— Один — выдохнула она. Голос дрожал.

— Два, — подхватил он.

— Три.

— Четыре.

Так они и считали — по очереди, голос за голосом. Его низкий, её — срывающийся. Алиса вцепилась в его руки, как в единственное, что держало её на поверхности.

Холод отступал. Медленно, неохотно, как зверь, которого прогнали, но который вернётся. Нить успокаивалась, сжималась, втягивалась обратно в запястье. Синее свечение погасло.

— Девять, — сказал Дамиан.

— Десять, — прошептала Алиса.

Она открыла глаза. В комнате снова было темно — только тусклый свет кристалла над дверью. Дамиан смотрел на неё. В темноте его лицо выглядело чужим — и таким древним, что Алиса на секунду испугалась сильнее, чем проклятия.

— Что это было? — прошептала она. Горло саднило, губы пересохли.

— Приступ, — ответил Дамиан. Он всё ещё держал её руки, но теперь его пальцы лежали неподвижно, согревая. — Первый из многих. Проклятие проверяет границы. Твою волю. Мою способность его сдерживать.

— Больно, — сказала Алиса. Это было глупое слово, слишком маленькое для того, что она чувствовала. Но другого не нашлось.

— Знаю, — тихо ответил Дамиан. — Первые приступы — самые сильные. Потом легче.

— Легче? — Она почти рассмеялась, но вместо смеха вырвался кашель.

— Легче, — повторил он. — Не потому, что боль утихает. Потому что ты научишься с ней жить.

Он отпустил её руки и встал. Кровать скрипнула, пружины жалобно протестовали.

— Спи, — сказал он. — Завтра начнётся учёба.

— Чему именно? — спросила Алиса. Голос всё ещё дрожал.

Дамиан не ответил. Только посмотрел на неё — долго, внимательно, как будто видел впервые.

— Увидишь, — сказал он наконец. — Спи.

Дверь закрылась. Шаги затихли — сначала на лестнице, потом наверху, где-то на четвёртом этаже. Алиса осталась одна.

Она лежала в темноте, слушая, как за окном воет ветер. Ей казалось, что он плачет по её дому. Или по ней. Или просто так воет — потому что этот мир был холодным и пустым, и ветру тоже было одиноко.

Алиса закрыла глаза и не спала до утра.

Считала удары сердца. Тысяча. Тысяча сто. Тысяча две-

сти. Две тысячи.

Спать она боялась — вдруг проклятие вернётся, как только она начнет засыпать.

Но оно молчало. Ждало.

Глава 3

Первый урок

Алиса не спала почти всю ночь.

Проклятие больше не возвращалось — после того как Дамиан ушёл, оно затихло, свернулось где-то глубоко под рёбрами, как сытый зверь. Но стоило ей закрыть глаза, как на веках вспыхивали синие огни, и она снова чувствовала его горячие ладони на своих руках, слышала низкий голос: «Дыши со мной».

Она перевернулась на другой бок. Одеяло колелось, матрас прогибался, и пружины жалобно скрипели при каждом движении. За окном по-прежнему светило фиолетовое небо — звёзды висели низко и не гасли даже на рассвете. Или здесь не было рассвета? Алиса не знала. Она потеряла счёт времени.

Под утро она всё же провалилась в тяжёлую дремоту без снов.

Разбудил её стук в дверь.

— Алиса? — Голос Миры был тихим, почти виноватым. — Лорд Дамиан велел разбудить. Завтрак через полчаса, потом урок.

Алиса села на кровати. Голова гудела, глаза слипались,

ныла шея — подушка оказалась набита чем-то жёстким, то ли соломой, то ли сухими травами. Она потёрла лицо ладонями и хрипло ответила:

— Хорошо. Я спущусь.

Шаги Миры затихли внизу по лестнице.

Алиса с трудом поднялась. Холодный воздух ударил в спину — камин так и не затопили, и в комнате было не теплее, чем снаружи. На стуле лежал аккуратно сложенный свёрток.

Серая льняная рубашка, тёплое шерстяное платье тёмно-синего цвета, кожаный пояс и толстые шерстяные чулки. Всё новое — или почти новое, чистое. Рядом лежал гребень из тёмного дерева.

Мира постаралась.

Алиса оделась медленно, непривычно завязывая шнурки на боку платья. Земная одежда была удобнее. И привычнее. И её. Она провела ладонями по лицу — щёки холодные, под глазами, наверное, тёмные круги. Волосы, собранные в небрежный пучок. Чужое платье. Чужая жизнь.

Ты справишься, — сказала она себе. Голос дрогнул. — *Ты должна.*

Завтрак прошёл в той же гнетущей тишине, что и ужин.

Дамиан сидел во главе длинного стола и читал какую-то книгу — старую, в кожаном переплёте, с металлическими уголками. Он даже не поднял головы, когда Алиса вошла. На столе уже стояли две тарелки с овсяной кашей, кувшин

с травяным чаем и хлеб.

— Доброе утро, — сказала Алиса, садясь напротив.

— Утра не существует в Эрдане, — ответил Дамиан, перелистывая страницу. — Есть только светлая стража и тёмная. Сейчас светлая.

Алиса моргнула.

— Тогда доброй светлой стражи?

Дамиан поднял голову. В его глазах мелькнуло что-то — то ли удивление, то ли одобрение.

— Учишься, — сказал он.

— Приходится.

Он отложил книгу и принялся за кашу. Алиса последовала его примеру. Еда была пресной, но горячей, и организм требовал топлива.

— Чему ты будешь меня учить? — спросила она, когда тарелка опустела.

Дамиан отодвинул посуду и посмотрел на неё. В его глазах не было ни насмешки, ни снисхождения — только холодная, деловая оценка.

— Ты умеешь думать?

— Что? — Алиса не поняла.

— Ты умеешь думать?! Не запоминать, не анализировать, не пересказывать. А просто — остановиться и думать. Одну мысль. Без паники, без страха, без «что будет, если». Просто чистую мысль.

— Это вопрос с подвохом?

— Это проверка.

Алиса открыла рот, чтобы сказать что-то острое, но закрыла. Дамиан смотрел на неё в упор, и от этого взгляда хотелось спрятаться под стол. Вместо этого она заставила себя сделать медленный вдох и выдох.

— Могу попробовать, — сказала она наконец.

— Пойдём.

Дамиан встал и направился к лестнице. Алиса поднялась за ним.

Они миновали второй этаж с библиотекой, прошли мимо третьего. Лестница сужалась, ступени становились круче, стёртыми до блеска бесчисленными ногами. Кристаллы на стенах горели тусклее — не голубым, а бледно-жёлтым, как старые лампы накаливания перед тем, как перегореть.

Воздух стал плотнее, тяжелее. Пахло не кожей и пергаментом, как в библиотеке, а сухим жаром — будто где-то рядом работала огромная печь.

На четвёртом этаже Дамиан свернул на площадку.

Здесь было три двери.

Одна — прямо, массивная, железная, с двумя тяжёлыми засовами. Металл тускло поблёскивал в свете кристаллов, засовы выглядели так, будто их не открывали годами. Алиса сразу поняла: лаборатория. Та самая, куда нельзя.

Вторая — слева, обитая тёмной кожей и утыканная медными заклёпками. Рядом с дверью на стене висел магический кристалл — большой, размером с кулак. Он горел ров-

ным белым светом, без мерцания.

— Это мои покои, — сказал Дамиан, заметив её взгляд.

Третья — справа, простая деревянная дверь без украшений, с обычной железной ручкой.

Дамиан подошёл к третьей — самой невзрачной.

— Тренировочная зала, — сказал он и толкнул дверь.

Та открылась с низким, протяжным скрипом, словно её не трогали годами.

— Входи.

Алиса шагнула через порог и замерла.

Комната оказалась круглой, с высоким каменным куполом вместо потолка. Ни окон, ни мебели — только голый пол и тишина. Но не обычная тишина, а та, которая давит на уши, заставляет слышать собственное сердцебиение.

Свет давали магические кристаллы — вделанные в стены под самым куполом. Их было четыре, по одному на каждую сторону света. Они горели ровным белым светом, без мерцания. Свет падал сверху, резкий, бестеневой, как в операционной. От него глазам становилось больно.

Пол был испещрён символами. Они тянулись по краям комнаты, сплетаясь в причудливые узоры — круги, треугольники, линии, которые пересекались и расходились, как паутина. Кто-то вырезал их прямо в камне, глубоко, аккуратно, с пугающей точностью. И они светились — тусклым, красноватым светом, похожим на тлеющие угли. Свет пульсировал. Медленно, ритмично, как дыхание огромного зверя.

В центре комнаты чернел выжженный круг. Идеально ровный, гладкий, будто не огонь его сделал, а лазер. Над ним в воздухе дрожало марево.

— Не трогай, — сказал Дамиан, заметив, что Алиса тянется к символам. — Не обожжёшься, но магия может потянуть за тобой. Неприятно.

Алиса отдёрнула руку.

— Откуда здесь всё это? — спросила она.

— Башня старая. Строили маги, которые знали толк в символах. Эти знаки — усилители. Они помогают удерживать магию в пределах круга.

— И не дают случайно сжечь башню?

— И не дают, — подтвердил Дамиан. — В основном.

Он вошёл в выжженный круг и повернулся к ней лицом.

— Заходи. Садись в центр. Напротив меня.

Алиса помедлила. Ей не нравился этот круг. Не нравился пульсирующий свет, не нравился жар, который она чувствовала кожей, даже стоя на расстоянии.

Тренировочная зала, — сказала она себе. — Ничего опасного. Просто магия.

Она шагнула внутрь, пересекла круг и села на пол напротив Дамиана.

И сразу почувствовала, как нить на запястье запульсировала чаще. Громче. Словно проклятие проснулось.

— Не бойся, — сказал Дамиан. — Круг безопасен. Здесь магические линии сходятся. Проклятие чувствует их и ста-

новится сговорчивее.

— Ты часто сюда приходишь? — спросила Алиса.

— Когда нужно работать с опасной магией, — ответил Да-
миан. — Или учить кого-то, кто может случайно сжечь баш-
ню.

Он сел напротив — скрестил ноги, положил руки на ко-
лени. Расстояние между ними было вытянутой руки.

— Сними обувь, — сказал он.

— Зачем?

— Чувствуешь холод камня?

— Он тёплый.

— Босиком ты почувствуешь тоньше. Камень пульсирует.

Магия течёт под ним.

Алиса стянула грубые кожаные туфли и поставила ступни
на камень. По телу пробежала дрожь — не от холода, от виб-
рации. Камень пульсировал — медленно, глубоко, как жи-
вое сердце.

— Чувствуешь? — спросил Дамиан.

— Камень дышит, — выдохнула Алиса.

— Магия, — кивнул Дамиан. — Под башней проходят
подземные магические реки. Здесь, в круге, они слышны
лучше всего.

— Закрой глаза, — сказал он.

Алиса закрыла.

— Теперь дыши. Медленно. Вдох на четыре счёта, за-
держка на два, выдох на четыре.

— Как на йоге, — пробормотала она.

— Не знаю, что это. Делай.

Она слушалась. Вдох — раз, два, три, четыре. Задержка — раз, два. Выдох — раз, два, три, четыре. Мир за веками темнел, но не пустотой — чем-то тягучим, тёплым.

— Теперь почувствуй камень под собой. Не ладонями, не ступнями — телом. Всем телом. Ты — часть круга.

Это было странное ощущение. Алиса всегда думала о себе как о чём-то отдельном. Но сейчас границы начали расплываться. Камень под ней был тёплым — и она была тёплой. Камень пульсировал — и её сердце билось в том же ритме.

— Я чувствую, — сказала она шёпотом, боясь спугнуть ощущение.

— Хорошо. — Голос Дамиана стал тише, будто он отдалялся. — Теперь представь, что в центре твоей груди — маленький огонёк. Он тусклый, почти погасший. Но он есть. Твоя магия.

— У меня нет магии, — возразила Алиса. — Тот седой маг сказал — ноль.

— Проклятие открыло канал, — повторил Дамиан. — Теперь есть. Доверься.

Алиса попыталась. Она вдохнула глубже и представила огонёк. В груди было пусто. Только ровное биение сердца.

— Ничего нет, — сказала она.

— Не дави. Не ищи. Просто позволь себе почувствовать.

Она позволила. Тишина. Пустота. Только камень пульси-

рует под ногами, только дыхание Дамиана напротив.

— Думай о доме, — сказал он вдруг.

Алиса вздрогнула.

— Что?

— О доме. О том, что ты потеряла. О злости. О страхе.

О грусти. Проклятие питается сильными эмоциями. Магия тоже. Разбуди её.

— Ты хочешь, чтобы я разозлилась?

— Я хочу, чтобы ты почувствовала.

Алиса открыла глаза.

Дамиан сидел напротив, неподвижный, как изваяние. Его лицо ничего не выражало, но глаза смотрели с каким-то странным напряжением.

— Это жестоко, — сказала она.

— Магия не терпит лжи, — ответил он. — Если ты будешь делать вид, что тебе не больно, ты ничего не почувствуешь.

— Мне больно, — выдохнула Алиса. — Мне очень больно. Но я не хочу копаться в этом.

— Придётся.

Она закрыла глаза снова.

Дом. Мама. Катя.

Картинки вспыхивали одна за другой. Мама на кухне, режет салат к ужину. Катя смеётся в библиотеке, расставляя свечи. Студенческая общага, запах жареной картошки. Университетская аудитория — светлая, шумная, живая.

Всё это ушло. Всё это было — и больше не будет никогда.

Грудь сдавило. Алиса сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Я не хочу здесь быть, — прошептала она. — Я хочу домой.

В груди что-то дрогнуло.

Маленькое, слабое — как искра в сырой траве.

— Есть, — тихо сказал Дамиан. — Не гони. Дай ей место.

Алиса дышала медленно, боясь спугнуть. Искра тлела — не разгоралась, но и не гасла. Тёплая, живая, спрятанная где-то между рёбрами.

— Что мне делать? — спросила она.

— Ничего. Просто смотри на неё. Привыкай. Она — часть тебя.

— Она маленькая.

— Все великие маги начинали с малого.

Тишина. Камень под ногами пульсировал в такт её сердцу — или её сердце билось в такт камню. Алиса уже не понимала, где заканчивается она и начинается магия.

— Открой глаза, — сказал Дамиан.

Она открыла. В зале было темно — только кристаллы горели белым. Дамиан сидел напротив, и в его глазах впервые не было холода.

— Получилось, — сказал он. — Немного. Но получилось.

— Я ничего не сделала, — растерянно ответила Алиса. — Я просто почувствовала.

— Это и есть магия.

Он протянул руку и взял её за запястье — то самое, где пряталась золотая нить. Алиса вздрогнула, но не отдернула. Дамиан провёл большим пальцем по коже, и нить проявилась — тонкая, светящаяся, пульсирующая.

— Видишь? — спросил он. — Она ярче, чем вчера. Ты напитала её своей болью. И своей злостью.

— Это плохо?

— Это нейтрально. Проклятие растёт на эмоциях. Но и твоя магия — тоже. Вопрос в том, что ты выберешь.

— Я не выбирала проклятие.

— А магию — можешь.

Он отпустил её руку, и нить снова спряталась под кожу. Дамиан встал, отряхнул брюки.

— Урок окончен.

— Это всё? — Алиса не двинулась с места. — Я сидела на камне, дышала и чуть не плакала. Где фаерболы? Где левитация?

Дамиан посмотрел на неё с лёгким удивлением — и, кажется, с тенью усмешки.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Алиса, ты продержалась в фокусирующем круге без потери сознания тридцать минут. Это достижение для новичка. Некоторые ученики падают в обморок на третьем вдохе.

— Ты надо мной издеваешься?

— Нисколько. — Он подошёл к стене, где на небольшом

выступе лежали разные предметы, и взял маленький прозрачный кристалл на медной подставке. — Хочешь посмотреть, что ты можешь?

Алиса кивнула.

Дамиан поставил кристалл перед ней на пол, прямо в центр круга.

— Возьми в руку. И вспомни то, что зажгло искру. Но не всю боль — только её отголосок. Только тепло.

Алиса взяла кристалл. Он был холодным, гладким, как лёд. Она закрыла глаза, нашла ту маленькую искру между рёбрами — и подула на неё мысленно, как на угли в костре.

Искра вспыхнула. Не сильно — но достаточно, чтобы потеплело в груди.

Алиса открыла глаза.

В кристалле горел огонь.

Маленький, оранжевый, живой. Он плясал внутри прозрачного камня, отбрасывая тёплые блики на стены залы.

— Я... — Алиса не договорила. Смотрела на огонь, не веря своим глазам.

— Первый фаербол, — сказал Дамиан. — Маленький. Но твой.

Она подняла на него глаза. Впервые за всё время — не с вызовом, не со страхом, а с благодарностью, с удивлением, с надеждой.

— Спасибо, — сказала она тихо.

Дамиан отвернулся первым.

— Завтра продолжим. А сейчас отдыхай. Проклятие забирает много сил.

— Я чувствую себя выжатой, — сказала Алиса, глядя на кристалл. — Это от магии?

Дамиан кивнул.

— Первый раз всегда так. Магия берёт плату. Чем больше ты отдаёшь, тем сильнее устаёшь. Со временем научишься дозировать.

— А если не научусь?

— Тогда будешь спать по шестнадцать часов и просыпаться разбитой. — Он помолчал. — Но ты научишься. У тебя нет выбора.

Алиса посмотрела на свои руки. Пальцы дрожали — мелко, противно. В груди было пусто, но тепло от искорки ещё грело где-то глубоко, под рёбрами.

— А если я не захочу? — спросила она. — Не захочу учиться. Просто буду сидеть в своей комнате?

Дамиан замер. Медленно повернулся к ней. В его глазах не было злости. Не было жалости. Только что-то тяжёлое, древнее.

— Тогда ты умрёшь, — сказал он ровно. — Не быстро. Не красиво. Проклятие будет высасывать тебя по кускам, пока от тебя не останется пустая оболочка. Я видел такое. Тридцать лет назад. Тот, кто носил проклятие до меня.

— Что с ним случилось?

— Он сошёл с ума. А потом умер. — Дамиан помолчал.

— Поэтому я и искал способ переложить проклятие. Не потому, что боялся смерти. Потому что боялся стать им.

Алиса сжала кулаки. Ногти впились в ладони — больно, но это была её боль, привычная, понятная.

— Ты не откажешься, — сказал Дамиан.

— Откуда такая уверенность?

Он посмотрел на неё — долго, внимательно.

— Потому что ты не из тех, кто сдаётся, — сказал он наконец. — Я видел твою ауру, когда ты очнулась в зале ритуалов. Золотую. Не серую, как у сломленных. Не чёрную, как у проклятых. Золотую. Такие не сдаются.

Алиса хотела сказать что-то колкое, но слова застряли в горле.

— Откуда ты знаешь? — выдохнула она. — Ты меня совсем не знаешь.

— Аура не врёт, — ответил Дамиан. — В отличие от людей.

Он отвернулся и направился к выходу. На пороге остановился, не оборачиваясь.

— Отдыхай, Алиса. Завтра будет тяжелее.

— Почему?

— Потому что ты уже не ноль. А магия не прощает тех, кто не готов к ней.

Дверь закрылась. Шаги затихли.

Алиса осталась одна в круглой комнате с пульсирующими символами и белым холодным светом кристаллов.

Она сидела в центре круга, босиком, с остывшим кристаллом в руках, и смотрела на свои запястья. Золотая нить под кожей едва заметно светилась — ровно, спокойно, как будто ждала.

— Ты не из тех, кто сдаётся, — повторила она шёпотом слова Дамиана.

В груди снова что-то дрогнуло. Не искра — что-то другое. Упрямое. Колючее. То, что заставляло её вставать в пять утра перед экзаменами, доедать несъедобную кашу, терпеть дурацкие лекции.

Может, он прав, — подумала она. — Может, я действительно не из тех, кто сдаётся.

Алиса поднялась. Ноги затекли, колени ныли, спина болела. Она надела туфли, одёрнула платье.

На выходе она обернулась.

Черный круг в центре комнаты, идеально ровный. Символы по краям всё так же пульсировали красным, и казалось, что они смотрят на неё. Оценивают. Ждут.

— Завтра, — сказала Алиса кругу. — Я вернусь завтра.

Дверь за ней закрылась с тихим стуком.

На третьем этаже она остановилась у своей двери. Прислушалась. Тишина. Только где-то далеко, внизу, Мира гремела посудой на кухне — глухой, привычный звук, почти домашний.

Алиса вошла в комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Холодный камень. Сырой воздух. Тусклый свет кристалла над дверью.

Всё как вчера.

Но она была другой.

Она подошла к окну-бойнице. За мутным стеклом светилось небо Эрдана — бледно-фиолетовое, с широкими зеленоватыми разводами. Светлая стража. День. Солнце висело низко, тусклое, почти не греющее.

Алиса прислонилась лбом к холодному стеклу. Где-то там, за этим небом, остался её дом. Мама. Катя. Обычная жизнь.

— Я не сдамся, — сказала она тихо. — Слышишь? Я не сдамся.

Небу было всё равно. Но ей — нет.

Она села на кровать, стянула туфли и посмотрела на свои руки. Пальцы дрожали. Кристалла в руках не было, но ощущение огня осталось. Где-то глубоко, под рёбрами, ещё теплилось то, что она зажгла сегодня.

Маленький фаербол, — подумала она. — Мой первый фаербол.

В дверь постучали.

— Алиса? — голос Миры. — Я принесла поесть. Лорд Дамиан сказал, что ты будешь голодна.

Алиса хотела сказать, что не хочет есть, но живот предательски заурчал.

— Заходи, — сказала она.

Миры вошла с подносом — миска супа, хлеб, кружка тра-

вяного чая. Поставила на тумбочку, окинула Алису обеспокоенным взглядом.

— Ты как? — спросила она тихо.

— Жива, — ответила Алиса. — Кажется.

— Лорд Дамиан сказал, что первый урок самый тяжёлый.

Говорил, ты молодец.

Алиса удивлённо подняла бровь.

— Он так сказал? Слово «молодец»?

Мира виновато улыбнулась.

— Он сказал: «Она не упала в обморок. Это обнадеживает». Но я подумала, что это примерно то же самое.

— Да, — усмехнулась Алиса. — Примерно.

Мира вышла. Алиса осталась одна с супом.

Она ела медленно. Суп оказался овощным, с травами, невкусным, но горячим. После него в желудке разлилось приятное тепло, и Алиса вдруг почувствовала, как сильно устала.

Не просто устала — выжата. Как лимон. Как будто из неё вынули все силы.

Она допила чай, поставила кружку на тумбочку и легла на кровать. Матрас прогнулся, пружины жалобно скрипнули. За окном по-прежнему светилось бледно-фиолетовое небо — светлая стража, день. Но сил разбираться, сколько времени, уже не было.

Алиса закрыла глаза и провалилась в сон — мгновенно, как в яму.

И во сне она снова держала в руках кристалл. И в нём горел огонь.

Глава 4

Обитатели башни

Алиса проспала почти сутки.

Когда она открыла глаза, за окном всё так же светилось бледно-фиолетовое небо — светлая стража, или день, или что здесь считалось днём. Она не знала. Она вообще перестала понимать время.

Тело было тяжёлым, как после болезни. Мышцы ныли, голова гудела, и каждое движение давалось с трудом. Но под рёбрами всё ещё теплилось то самое ощущение — искра, огонёк, живой уголёк, который она зажгла вчера.

Алиса села на кровати. Тумбочка была пуста — Мира забрала посуду, пока она спала. На стуле лежал новый свёрток — свежая рубашка, чистое платье и маленькое полотенце. Впервые.

Она оделась, умылась из кувшина ледяной водой и вышла в коридор.

Башня жила своей жизнью.

Снизу доносились запахи — горячий хлеб, травяной отвар, что-то жареное. Сверху, с четвёртого этажа, не доносилось ничего — только тишина.

Алиса прошла на второй этаж и остановилась перед биб-

лиотекой.

Дверь была приоткрыта. Внутри горел камин — впервые за всё время, что она здесь находилась. Огонь был настоящим, оранжевым, живым, и от него тянуло теплом. Возле камина, в массивном кресле, сидел Дамиан и читал всё ту же книгу в кожаном переплёте.

Он поднял голову, когда Алиса вошла.

— Выспалась?

— Выспалась, — ответила она. — Сколько я спала?

— Почти двадцать часов. — Он отложил книгу. — Магия забрала много сил. Теперь будешь есть за двоих.

— Не хочется.

— Организм захочет. Иди завтракай. Мира на кухне.

Алиса кивнула и направилась к выходу. Но на пороге остановилась.

— Ты вчера сказал, что я не из тех, кто сдаётся. Откуда ты знаешь? Ты меня совсем не знаешь.

Дамиан медленно поднял на неё глаза.

— Аура не врёт, — повторил он. — Я уже говорил.

— Аура может ошибаться.

— Не может. — Он помолчал. — Я видел много аур. Серые — у тех, кто сломлен жизнью. Чёрные — у проклятых, у убийц, у тех, кто потерял себя. Белые — у святых, которых почти не осталось. Золотые — у тех, кто не сдаётся. Даже когда всё против них.

Алиса хотела спросить, какого цвета его аура, но передумала.

мала. Она вышла и спустилась на первый этаж.

Кухня оказалась за той самой узкой дверью слева от входа, о которой Алиса гадала в первый день.

Она толкнула дверь и вошла.

Помещение было маленьким, но уютным — по меркам башни. В центре стоял массивный деревянный стол, весь в зарубках и потёртостях. В углу пылала огромная каменная печь, из которой вкусно пахло хлебом и травами. На стенах висели связки сушёных растений, пучки лука и какие-то тёмные корни.

У стола стояла Мира — рыжая, веснушчатая, в сером платье и белом переднике. Она месила тесто в большой глиняной миске, и её руки были по локоть в липкой массе.

— Алиса! — Мира обернулась и улыбнулась. — Ты проснулась! Я волновалась, честно слово. Двадцать часов — это много даже для первого урока.

— Сама в шоке, — призналась Алиса. — Я никогда столько не спала.

— Лорд Дамиан сказал, что ты молодец, — Мира хитро прищурилась. — На этот раз действительно сказал. Слово «молодец». Я слышала, когда проходила мимо библиотеки.

— Ты подслушиваешь?

— Нет, — Мира смутилась. — Дверь была открыта. Я не специально.

Алиса села за стол. Мира поставила перед ней тарелку с кашей, кружку травяного чая и положила ломоть свежего

хлеба с маслом.

— Ешь, — сказала она. — Ты бледная.

— Я всегда бледная, — отмахнулась Алиса, но есть принялась. Каша была вкуснее, чем вчера, — с мёдом и какими-то ягодами.

— Мира, — спросила она, жуя. — А кто ещё живёт в башне? Кроме тебя, лорда и меня?

— Ну, есть Марта. Она наша травница и целительница. Живёт на втором этаже, за той дверью слева от библиотеки. Ты её, наверное, ещё не видела — она редко выходит. Старая и ворчливая, но добрая. Если заболеешь — иди к ней.

— А ещё?

— Ещё есть Олвин. Он библиотекарь и хранитель. Старый, как эта башня, и никогда не выходит из библиотеки. Лорд говорит, что он помнит ещё времена, когда проклятия не было.

— А он человек?

— Олвин? — Мира понизила голос почти до шёпота. — Он не совсем человек. И не совсем жив. Говорят, он умер много лет назад, но остался в башне — привязанный к ней магией. Лорд говорит, что Олвин был хранителем библиотеки при старых магах, а когда башню прокляли, он отказался уходить.

— Как это — не совсем жив?

— Его можно видеть. С ним можно говорить. Он читает книги, двигает их с места на место. Но он не ест, не спит и

не выходит за пределы библиотеки. — Мира пожала плечами. — Может, это просто легенда. Но я сама видела, как он проходит сквозь стеллаж, когда никто не смотрит.

— А стража? Те, которые меня сюда ввели.

— А, стража — это люди лорда. Личная гвардия. Живут в казарме неподалёку от башни, а дежурят снаружи, у двери. По двое, посменно. — Мира принялась вытирать руки тряпицей. — Лорд вызывает их, когда нужно сопроводить кого-то важного или защитить периметр. Но обычно просто стоят снаружи и никого не пускают без разрешения.

— И много их?

— Двенадцать человек. Командира зовут Харг — суровый, но справедливый. — Мира улыбнулась. — Меня он пропускает без вопросов. А тебя, наверное, запомнили. Первая гостья за много лет.

Мира понизила голос.

— Честно говоря, они побаиваются лорда. И башни тоже. Говорят, здесь водятся призраки.

— Призраки?

— Ну, это всё слухи. — Мира махнула рукой. — Я тут уже три года, кроме Олвина, ни одного не видела. А вот странные звуки по ночам — да. Особенно на четвёртом этаже. Но лорд говорит, что это магия гудит в артефактах.

Алиса помолчала, разглядывая узор на глиняной кружке. Потом спросила:

— Мира, а как ты оказалась здесь? В башне. На службе

у лорда.

Мира замерла.

— Это долгая история, — сказала она тихо.

— У нас есть время.

Мира вздохнула, еще раз вытерла руки о передник и села напротив Алисы. Теперь её лицо было серьёзным — без обычной улыбки и хитринки.

— Я из бедной семьи. Деревня на севере, в двух днях пути от столицы. Отец работал в поле, мать пряла. Жили бедно, но счастливо. — Она помолчала. — Когда мне было пятнадцать, пришла чума. Не магическая — обычная, людская. Отец умер за три дня. Мать — за пять. Я осталась одна.

— Мне жаль, — тихо сказала Алиса.

— Я тогда чуть сама не умерла. Бродила по дорогам, просила милостыню. Потом попала в Эрдану, надеялась, что в городе легче. Не легче. Ночевала где придётся, работала за еду. — Мира сжала пальцы. — А потом меня заметил один человек. Сказал, что знает место, где нужны молодые девушки. Я была глупая, поверила.

— Он соврал?

— Он был вербовщиком, — тихо сказала Мира. — Привёз меня в дом к одному магу. Не к лорду, к другому. Тому, кто считал, что прислуга нужна не только для уборки.

Алиса похолодела.

— Что он сделал?

— Ничего. Не успел. — Мира криво усмехнулась. — Лорд

Дамиан пришёл к нему по делам Совета и увидел меня. Сказал, что забирает девушку. Тот маг не посмел спорить — все боятся лорда.

— И он привёз тебя сюда?

— Да. Сказал: «Будешь работать на кухне. Если захочешь уйти — уйдёшь. Никто тебя не держит». — Мира покачала головой. — Но я осталась. Здесь есть крыша над головой, еда и лорд, который — она запнулась, — который ни разу не посмотрел на меня как на женщину. Только как на служанку. И это лучший дом, в котором я когда-либо жила.

— Но ты говорила про странные звуки. Про магию. Тебе не страшно?

— Страшно, — призналась Мира. — Но страшнее было там, на улицах Эрданы. А здесь я хотя бы знаю — меня никто не тронет. Лорд не позволит.

— А если захочешь уйти? — спросила Алиса. — Куда пойдёшь?

Мира посмотрела в окно — туда, где за мутным стеклом светилось бледно-фиолетовое небо.

— Не знаю, — сказала она честно. — Домой возвращаться не к кому. В городе я никому не нужна. Здесь у меня есть комната, работа и — она улыбнулась, — возможность иногда подслушивать разговоры лорда.

— Ты говорила, не подслушиваешь.

— Ну, иногда — немного, — Мира виновато пожала плечами. — Стены тонкие, сама понимаешь.

Алиса усмехнулась. Грустно, но тепло.

— Ты не хочешь отсюда уходить, да?

— Не хочу, — ответила Мира просто. — Здесь моё место.

Может быть, не лучшее на свете, но моё.

Они помолчали. В печи потрескивали дрова, где-то наверху скрипнула половица.

— А лорд знает твою историю? — спросила Алиса.

— Думаю, да. — Мира пожала плечами. — Он вообще много знает. Иногда мне кажется, что он знает обо всех в этой башне больше, чем мы сами. Но никогда не говорит. — Она взялась за миску с тестом. — Ладно, хватит грустить. Мне надо тебя кормить, а не жизнь свою рассказывать. Ешь, пока каша не остыла.

Алиса послушалась — доела кашу, допила чай, вытерла губы тыльной стороной ладони. Мира уже возилась у печи, переставляя горшки.

— Спасибо, — сказала Алиса, вставая. — За завтрак. И за рассказ.

— Не за что, — Мира обернулась и улыбнулась тепло, по-настоящему. — Ты здесь не чужая, Алиса. Запомни.

Алиса вышла из кухни и замерла в холле.

Башня гудела — едва слышно, на грани восприятия. Где-то наверху, на четвёртом этаже, тихо шуршали артефакты. Где-то внизу, под каменными плитами, пульсировали магические линии.

Странное место, — подумала она. — Но уже не такое

чужое.

Она поднялась на второй этаж и остановилась перед библиотекой. Дверь была приоткрыта — Алиса заглянула внутрь. Дамиан всё ещё сидел в кресле у камина, но книга лежала у него на коленях закрытой. Он смотрел в огонь — неподвижно, как изваяние.

Алиса хотела войти, но передумала. Не сейчас.

Дверь слева от библиотеки оказалась тяжёлой, деревянной, с железной ручкой в виде змеи, кусающей собственный хвост. Алиса постучала.

— Войдите, — раздался скрипучий голос изнутри.

Она толкнула дверь и вошла.

Комната Марты напоминала лавку алхимика из фильмов — и одновременно деревенскую кладовую. Вдоль стен стояли высокие стеллажи с банками, склянками, пучками трав и кореньями. В углу висели связки сушёных грибов, похожие на странные украшения. Пахло мятой, полынью и чем-то сладковатым.

У правой стены, между двумя стеллажами, стояла узкая железная кровать, застеленная лоскутным одеялом — старым, но чистым, с выцветшими узорами. Над изголовьем висела сухая ветка какой-то травы, обмотанная красной нитью. Подушка была взбита, а на тумбочке рядом с кроватью Алиса заметила очки в металлической оправе и маленькую глиняную кружку.

В противоположном углу горел камин — маленький, сло-

женный из тёмного камня, но живой огонь в нём был настоящим, оранжевым, и тянуло от него уютом и сухим теплом. Над каминной полкой стояли три подсвечника с нагоревшими свечами и маленькое зеркало в деревянной рамке — мутное, старое, единственное, которое Алиса видела в башне.

За большим дубовым столом сидела сама Марта. Ей было трудно дать возраст. Морщинистое лицо, седые волосы, убранные в тугой пучок, но глаза — молодые, живые, с хитринкой. Она была одета в тёмно-зелёное платье и кожаный фартук, весь в пятнах.

— А, новая пленница, — сказала Марта без злобы. — Садись. Чай будешь?

— Буду, — ответила Алиса, садясь на табурет.

Марта кивнула, подошла к камину, где на маленьком чугунном крюке висел закопчённый чайник, и через минуту поставила перед Алисой кружку с дымящимся отваром.

— Пей, — велела она. — Силы нужны. Проклятие высасывает.

Они пили молча. Алиса разглядывала комнату — стеллажи, банки, связки трав. И вдруг заметила в глубине ещё одну дверь — маленькую, деревянную, с бронзовой ручкой.

Марта перехватила её взгляд и усмехнулась.

— Туалетная комната, — сказала она без тени смущения. — Вода из ручья, холодная. Но лучше, чем ведро.

— Но как вода поднимается на второй этаж? — спросила Алиса.

Марта усмехнулась.

— А вот это старая магия. В башне с древности проведены водяные жилы. Похоже на магические линии, только вода течёт снизу вверх. Ещё первые маги сделали — и до сих пор работает. — Она постучала костяшкой по столу. — Не ломается, в отличие от нас с тобой.

Алиса оглянулась на дверь, за которой оставался коридор, и вспомнила свою комнату — каменный пол, холодный таз с водой, ведро с опилками в нише.

— У меня нет такой комнаты, — сказала она. — Только ведро.

Марта посмотрела на неё с пониманием.

— Ты гостья, — сказала она. — Гостям полагается комната поменьше, без удобств. А когда станешь своей — может, лорд переселит тебя в покои побольше. Там и вода, и кровать шире.

— А когда это «стану своей»?

— Когда докажешь, что ты не обуза, а помощь. — Марта усмехнулась. — Или когда перестанешь смотреть на лорда как на тюремщика. Он это чувствует, знаешь ли.

Алиса опустила взгляд в кружку.

— Я не знаю, как долго смогу бороться, — сказала она.

— Ты справишься, девочка. — Марта накрыла её руку своей — сухой, тёплой, в пятнах от трав. — Я вижу. Ты не сдашься.

— Все говорят «не сдашься», — горько усмехнулась Али-

са. — Дамиан, Мира, вы. Откуда вы знаете?

— Потому что сдавшиеся не задают вопросов, — ответила Марта. — Они лежат и ждут смерти. А ты сидишь здесь, пьёшь мой чай и злишься. Это хороший знак.

Алиса допила чай, поблагодарила и вышла.

Библиотека на втором этаже встретила её запахом старой кожи и воска.

Камин догорал, угли ещё светились красным. Дамиана в кресле не было. В комнате никого не было — только стеллажи, книги и тишина.

Алиса обошла несколько рядов, заглянула в дальние углы. Никого.

— Олвин? — позвала она тихо.

Ни звука.

— Мира сказала, что ты здесь. Что ты можешь говорить, если захочешь.

Тишина.

— Я филолог. Я люблю книги. И я хотела бы с тобой поговорить, если ты не против.

Сначала ничего не произошло. Алиса уже решила, что призрак либо не существует, либо не хочет с ней разговаривать. Она повернулась, чтобы уйти, и вдруг почувствовала — кто-то смотрит на неё.

В дальнем углу, за высоким стеллажом, в полумраке, кто-то стоял.

Он был почти прозрачным — Алиса видела сквозь него

корешки книг на полке. Корешки. Книги. Она видела сквозь человека корешки книг.

У неё перехватило дыхание.

Нет. Этого не может быть.

Она моргнула — раз, другой. Призрак не исчез. Он стоял в полумраке, и сквозь его плечо проступал золотой корешок старого фолианта.

— Этого не бывает, — прошептала Алиса. Голос сел, превратился в хрип. — Призраков не существует.

Она сделала шаг назад — инстинктивно, не думая. Сердце колотилось где-то в горле. Ладони взмокли.

Но глаза уже различали детали: высокий лоб, длинные седые волосы, падающие на плечи. И глаза. Один — синий, яркий, как вода в глубоком озере. Другой — зелёный, глубокий, как лесной омут. Они смотрели на неё спокойно, даже ласково. И в этом спокойствии было что-то более жуткое, чем если бы он зарычал или завыл.

— Олвин? — выдавила она.

Призрак медленно кивнул. Он не шёл — он появился ближе, на расстоянии вытянутой руки. Алиса почувствовала холод — не тот, от которого стынет кровь, а тот, от которого замирает сердце. Тихий, печальный холод, пробиравшийся под кожу, заставлявший волосы на руках вставать дыбом.

Она хотела отступить ещё раз, но ноги не слушались. Приросли к каменному полу.

— Ты — голос дрожал. — Ты настоящий?

Призрак улыбнулся — краешком губ, печально.

— Настолько же, насколько ты готова меня видеть, — сказал он. Голос шёл отовсюду — из стен, из книг, из воздуха. — Не бойся. Я не причиню тебе вреда.

— Я не боюсь, — соврала Алиса.

— Боишься, — ответил Олвин. — И это правильно. Призраков стоит бояться. Но не меня.

Алиса медленно выдохнула. Посмотрела на его руки — полупрозрачные, мерцающие. Сквозь них она видела корешки книг на стеллаже за его спиной.

— Как ты здесь оказался? — спросила она.

— Долгая история, — Олвин опустил на пол напротив неё — не сел, а именно опустился, будто его фигура сложилась сама собой. — Садись. Рассказывай. Ты пришла поговорить, я пришёл слушать.

Алиса помедлила. Потом села. Пол был холодным, но холод призрака был другим — не физическим, каким-то внутренним.

— Я не думала, что призраки существуют, — сказала она тихо.

— В твоём мире — нет, — ответил Олвин. — В Эрдане — да. Здесь много того, чего нет в твоём мире. Привыкай.

— Что рассказывать?

— Всё, — сказал Олвин. — Какой у вас мир? Есть ли там магия? Какие книги вы читаете? Я слышал, ты филолог. Это тот, кто любит слова?

— Филолог — тот, кто изучает язык и литературу, — ответила Алиса.

— А! — Олвин оживился, и от этого движения его фигура стала чуть более чёткой, менее прозрачной. — Значит, ты понимаешь силу слов. Это хорошо. В магии слова — основа. Неверное слово может убить. Правильное — спасти.

— Как в сказках в моём мире, — сказала Алиса.

— Вся магия — как в сказках, — серьёзно ответил Олвин. — Разница лишь в том, что в этом мире сказки — правда.

Он замолчал и посмотрел на неё с ожиданием. Алиса поняла — теперь её очередь.

— Ну, — начала она неуверенно, но слова потекли сами собой. — Мой мир называется Земля. Магии там нет совсем. Или почти нет — осталась только в книжках и детских снах.

Она рассказала про маму, которая каждое воскресенье пекла пироги и читала ей в детстве перед сном. Про Катю, свою лучшую подругу, с которой они делили на двоих глупые идеи и большую библиотеку. Про университет, про филфак, где профессора спорили до хрипоты о смысле одной-единственной строчки.

— А какие книги ты любишь? — перебил её Олвин.

Алиса задумалась.

— Романы, детективы, фантастику. В моём мире очень популярны истории о магии, которой на самом деле нет. Люди придумывают миры, где можно летать на метлах и превращать врагов в хорьков.

— На метлах? — Олвин наклонил голову. В его глазах — синем и зелёном — вспыхнуло любопытство. — Неэффективно. Но интересно.

— А у нас есть самолёты, — сказала Алиса. — Они летают быстрее ветра. И поезда, которые везут сотни людей за тысячи миль. И телефоны, в которых можно увидеть человека на другом конце мира.

— Без магии?

— Без магии. На железе, электричестве и математике.

Олвин покачал головой — то ли с восхищением, то ли с грустью.

— Удивительный мир, — сказал он тихо. — Вы придумываете то, чего у вас нет. А мы живём с тем, что есть, и не ценим этого.

Алиса задумалась. Она не знала, что в этом мире придумывают, а что нет — она не прочитала здесь ни одной книги. Но спорить не стала.

Олвин усмехнулся, будто прочитал её мысли.

— Может быть, мы не так уж и разные, — сказал он.

Он замолчал, и Алиса почувствовала, что разговор не закончен — просто он даёт ей время. Она продолжила. Рассказывала про космос, про планеты, на которых никто не живёт, про то, как люди научились лечить болезни, которые когда-то считались проклятием.

Олвин слушал не перебивая, и только его глаза — то один, то другой — вспыхивали ярче в самые интересные моменты.

Когда Алиса замолчала, он покачал головой.

— Железо и математика, — повторил он задумчиво. — А мы здесь без магии — как без рук. Удивительный мир.

Они говорили до тех пор, пока свет кристаллов не стал тускнеть — Алиса не знала, сколько прошло времени. Ей казалось, что часы или даже больше. Олвин задавал вопросы обо всём: о еде, об одежде, о домах, о книгах, о войнах и мире. Он слушал так, будто впитывал каждое слово.

— Ты устала, — сказал он наконец. — Мы продолжим в другой раз.

— Но я ещё так много не рассказала, — возразила Алиса.

— Ты ещё будешь здесь, — голос Олвина звучал печально. — Времени много. Возможно, слишком много.

Он усмехнулся и вдруг оказался у стеллажа — Алиса не заметила, как он переместился. Его пальцы, полупрозрачные в свете камина, пробежали по корешкам книг, остановились на одной — тонкой, в тёмно-синем переплёте. Он достал её и протянул Алисе. Книга не выпала из его рук — она просто оказалась в её ладонях, будто призрак передал её сквозь расстояние.

— Это дневник матери лорда Дамиана, — сказал он. — Она была сильной женщиной. Умной. И она искала способ разорвать проклятие.

Алиса взяла книгу в руки. Переплёт был тёплым — как у той книги с барахолки. И запах — сладковатый, приторный, такой же.

— И нашла? — спросила она.

— Нашла. Но не успела воспользоваться. — Олвин вздохнул.

— Прочитай, — сказал он. — Может быть, ты найдёшь то, что упустили мы.

— Дамиан знает, что ты даёшь мне это?

— Дамиан знает, что я делаю всё, чтобы помочь, — усмехнулся Олвин. — Остальное его не касается.

Алиса хотела спросить ещё что-то, но Олвин уже начал таять. Его фигура становилась всё прозрачнее, сливаясь с тенями у стены.

— Я всегда здесь, — сказал он напоследок. — Если я понадобится — позови. И приходи ещё рассказывать. Мне понравилось слушать про твой мир.

И он исчез.

Алиса осталась одна в библиотеке с книгой в руках.

Она посмотрела на стеллажи, на догорающий камин, на кресло, где утром сидел Дамиан. Тишина была другой — не пустой, а наполненной. словно после долгого разговора.

— Приду, — сказала она тихо пустой комнате. — Обязательно приду.

Алиса вышла из библиотеки и остановилась на лестнице. Голова кружилась — то ли от магии, то ли от голода. Она не ела с самого завтрака, а на часах, если верить светлой страже, был уже вечер.

На третьем этаже её встретила Мира — с подносом в ру-

ках, на котором дымилась миска супа, лежал ломоть свежего хлеба и стояла кружка травяного чая.

— А я тебя ищу, — сказала Мира. — Лорд велел покорить. Говорит, после уроков и разговоров аппетит просыпается.

— Он велел? — удивилась Алиса.

— Ну — Мира виновато улыбнулась. — Сказал: «Покорми её. Она уже сутки не ела нормально». Я подумала, это почти то же самое.

Алиса усмехнулась, взяла поднос и ушла к себе в комнату.

Она села на кровать, поставила поднос на колени и взяла дневник. Суп был горячим, наваристым, с мясом и травами — она ела медленно, ложка за ложкой, не отрывая глаз от страниц.

Сначала она читала между глотками. Потом суп остыл, потом остыл совсем, а она всё читала — переворачивала страницы, вчитывалась в старомодный почерк, в строки, которые становились всё короче и тревожнее.

«День 127. Проклятие снова вернулось. Дамиану было больно, он плакал, но не жаловался. Я дала ему зелье сна. Это единственное, что помогает. Я не могу смотреть, как мой сын умирает заживо. Я должна найти способ. Должна.»

«День 189. Сегодня говорила с хранителем Сердца дракона. Он сказал, что артефакт может разорвать проклятие, но цена будет высокой. Магическая сила того, кто проведёт

ритуал. Я готова. Но нужно, чтобы Дамиан выжил до тех пор.»

«День 203. Совет узнал. Они запретили мне идти к Сердцу. Сказали, что это слишком опасно и что род Эйнар должен нести проклятие как бремя. Бремя? Моему сыну семь лет! Какое бремя?!»

«День 211. Я ухожу сегодня ночью. Оставляю Дамиана на Марту и Олвина. Если я не вернусь, пусть знает — я пыталась. Я люблю его. Большие жизни.»

Дневник обрывался. Следующие страницы были чистыми.

Алиса закрыла книгу. Суп давно остыл, хлеб зачерствел на воздухе. Она поставила поднос на тумбочку, откинулась на подушку и уставилась в потолок.

Она не вернулась, — подумала Алиса. — Она ушла за Сердцем дракона и не вернулась.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказала Алиса.

Вошел Дамиан.

Он увидел дневник в её руках, и его лицо окаменело.

— Где ты это взяла?

— Олвин дал, — честно ответила Алиса.

Дамиан молчал долго. Так долго, что Алиса слышала, как за окном завывает ветер.

— Он не должен был, — сказал Дамиан наконец. Голос его был тихим, чужим.

— Почему? — спросила Алиса. — Потому что там написано, что твоя мать искала Сердце дракона? И что оно может разорвать проклятие?

Дамиан шагнул в комнату. Сел на стул у стены — единственный, кроме кровати. Потемневшие глаза смотрели куда-то сквозь Алису, в прошлое.

— Она говорила с Хранителем, — сказал он. — Узнала, что Сердце существует. Что оно может разорвать проклятие рода Эйнар.

— И она пошла к нему? К Хранителю?

Дамиан покачал головой.

— Хранитель — не человек. Это место. Древний храм на краю запретных земель. Внутри — лабиринт, ловушки, магические стражи. Тот, с кем говорила моя мать, был лишь голосом. Стражем у входа.

— Чтобы забрать Сердце, нужно войти внутрь, — тихо сказала Алиса. — И пройти испытания.

— Да. — Дамиан сжал подлокотники стула так, что побелели костяшки. — Она вошла. И не вышла.

Алиса опустила взгляд на дневник.

— Тебе было семь лет, — сказала она. — Ты не мог пойти за ней.

— Не мог. — В его голосе не было жалости к себе. Только констатация факта. — А когда вырос — проклятие уже сидело во мне. Запретные земли убивают проклятых быстрее, чем обычных людей. Я бы не прошёл и первого испытания.

— Но теперь проклятие во мне, — сказала Алиса. — Теперь ты можешь.

Дамиан поднял на неё глаза. В них не было холода. Только боль. Старая, выжженная, привычная.

— Ты предлагаешь рискнуть жизнью ради призрачной надежды?

— Я предлагаю не сидеть сложа руки, — ответила Алиса. — Твоя мать не вернулась. Но, может быть, у тебя получится.

Дамиан долго смотрел на неё. Потом встал.

— Завтра продолжим уроки, — сказал он. — А дневник оставь себе. Может быть, ты найдёшь то, что упустила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.